

Николай Бугров: купец с душой ребенка

В преддверии Дня города вспоминаем одного из самых известных нижегородцев – купца Николая Бугрова, которому посвятил свой знаменитый очерк писатель Максим Горький.

Династия от Петрухи-балалаечника

Дед Николая Александровича Бугрова, крестьянский сын из Семеновского уезда, в молодости ходил в бурлаках на расшиве (название судна). Тот Бугров был «знаменит» как Петруха-балалаечник. Через какое-то время бурлак Бугров сколотил артель. Выдвинулся Петруха Бугров при поправке оползня под Нижегородским кремлем. Взялся на свой страх и риск укрепить кремлевский склон. Набрал в бригаду мужиков из родного Заволжья, срыл часть горы до глинистого слоя. Затем уложил несколько рядов бревен и насыпал на них грунт. Одновременно устроил стоки к Волге. Губернатор Урусов отметил смекалистого подрядчика и отдал Бугрову годовой подряд на ремонт мостов на тракте Нижний Новгород – Вятка.

Петруха превратился в Петра Егоровича и начал быстро богатеть. К концу 50-х годов XIX века Бугров-старший уже имел миллионное состояние. Следующий миллион был нажит уже Бугровым-сыном, Александром Петровичем, который удачно проводил операции с казенной солью и торговал валяными изделиями. Третий Бугров – знаменитый Николай Александрович – унаследовал от родственников предпринимательский талант.

Горький о Бугрове

Николай Бугров – личность противоречивая. Его уважали и побаивались не только деловые люди, но и городские власти. Бугров владел Товариществом паровых механических мельниц и был предпринимателем всероссийского масштаба. С выгодой занимался не только лесом и мукомольным делом, но и создал собственное пароходство – десятки буксиров и барж.

Горький: «Он говорил «ты» взбалмошному губернатору Баранову, и я видел, как он, в 96 году, на всероссийской выставке, дружески хлопал по животу Витте и,топая ногою, кричал на ministra двора Воронцова».

Мукомольный комплекс Николая Александровича экспонировался на Всероссийской выставке 1896 года в Нижнем Новгороде и был отмечен высшей наградой – правом помещать на документах и товарах изображение государственного герба Российской империи. Журналисты называли его хлебным королем. Внешность у Бугрова,

по словам Горького, была ничем не примечательная: «Я часто встречал этого человека на торговых улицах города: большой, грузный, в длинном сюртуке, похожем на поддевку, в ярко начищенных сапогах и в суконном картузе, он шел тяжелой походкой, засунув руки в карманы, шел встречу людям, как будто не видя их, а они уступали дорогу ему не только с уважением, но почти со страхом... Лицо – неясное, незаконченное, в нем нет ни одной черты, которая, резко бросаясь в глаза, навсегда оставалась бы в памяти. Такие неуловимые, как бы нарочито стертые, безглазые лица часто встречаются у людей верхнего и среднего Поволжья, – под скучной, неопределенной маской эти люди ловко скрывают свой хитрый ум, здравый смысл и странную, ничем необъяснимую жестокость».

И дальше: «Старообрядец «беспоповского согласия», он выстроил в поле, в версте расстояния от Нижнего, обширное кладбище, обнесенное высокой, кирпичной оградой, на кладбище – церковь и «скит», – а деревенских мужиков наказывали годом тюрьмы по 103 статье «Уложения о наказаниях уголовных» за то, что они устраивали в избах у себя тайные «мольельни». В селе Поповке Бугров возвел огромное здание, богадельню для старообрядцев, – было широко известно, что в этой богадельне воспитываются сектанты-«начетники». Он открыто поддерживал тайные сектантские скиты в лесах

Вдовий дом с бюстом Бугрова

Горький описывал дом Бугрова как скучно обставленный – два стола, три стула, дешевые обои, в углу – икона. На стол подавали обычные щи да кашу, в пост – горох.

Керженца и на Иргизе и вообще являлся не только деятельным защитником сектантства, но и крепким столпом, на который опиралось «древнее благочестие» Поволжья, Приуралья и даже некоторой части Сибири. Глава государственной церкви нигилист и циник Константин Победоносцев писал – кажется, в 1901 году – доклад царю о враждебной, антицерковной деятельности Бугрова, но это не мешало миллионеру упрямо делать свое дело. Он говорил «ты» взбалмошному губернатору Ба-

ранову, и я видел, как он, в 96 году, на всероссийской выставке, дружески хлопал по животу Витте и, топая ногою, кричал на ministra двора Воронцова. ... Дед мой сказывал мне, что отец Бугрова «разжился» фабрицией фальшивых денег, но дед обо всех крупных купцах города говорил как о фальшивомонетчиках, грабителях и убийцах. Это не мешало ему относиться к ним с уважением и даже с восторгом... Обширные дела свои Бугров вел сам, единолично, такая векселя и разные бумаги в кармане поддевки».

Крупнейший благотворитель

Из воспоминаний Алексея Максимовича мы узнаем, что при всей своей начитанности и набожности Бугров был наивен, как ребенок. Чего только стоят его рассуждения о телефоне и патенте. Вот откуда берется там звук, спрашивал

Городская дума

Волго-Камский банк

Чайная «Столбы»

он Горького, откуда эта сила? Личная жизнь Николая Бугрова складывалась драматично. Овдовев в третий раз и похоронив троих детей, к 36 годам он потерял интерес к роскоши, зажил бобылем и «всю свою любовь и заботы перенес на бедный люд». Горький описывал дом Бугрова как скучно обставленный – два стола, три стула, дешевые обои, в углу – икона.

45 процентов прибыли – на нужды города. В основном на строительство общественных зданий, ночлежных и доходных домов, призванных покрывать расходы для нищих и вдов и так далее.

На стол подавали обычные щи да кашу, в пост – горох. Никаких излишеств. Зато на благотворительность Николай Александрович денег не жалел. Считается, что за свою жизнь он только милостыни раздал на 10 миллионов рублей. Был крупнейшим домовладельцем Нижнего Новгорода. Вкладывал значительные средства в городское строительство, часть дохода от которого регулярно шла на содержание ночлежного дома для боярек, выстроенного его отцом (знаменитая ночлежка у подножия Зеленского съезда). Кроме того, Бугров завершил начатое отцом строительство в Нижнем Новгороде «Вдовьего дома» (объединение технического университета на площади Лядова), выстроил здание Волжско-Камского банка (улица Рождествен-

Ночлежка Бугрова

ская, бывшее здание театра «Комедия», профинансировал строительство здания городской думы на Благовещенской площади (ныне площадь Минина и Пожарского). Финансируя чайную «Столбы» на улице Кожевенной.

Ежегодная прибыль предприятия Бугрова делилась примерно в такой пропорции. 45 процентов – на нужды города (в основном стройки общественных зданий, ночлежных домов и доходных зданий, призванных покрывать расходы для нищих и вдов). Еще 45 процентов – на развитие фирмы. Остальное – на собственные нужды, благотворительность и прочее. На средства Бугрова в Нижнем Новгороде построена первая центральная канализация, которую переложили лишь в начале 1990-х, чтобы увеличить пропускную способность Похвалинского съезда. Первый городской водопро-

вод – тоже его рук дело. В память о своих предках Николай Александрович ежегодно организовывал обеды для бедных. По пятницам у крыльца своего дома устраивал раздачу нуждавшимся: каждому по два фунта (около 900 граммов) пшеничного хлеба и по серебряному гривеннику (10 коп.). В кухне особняка Николая Бугрова на Нижневолжской набережной стояла хохломская плошка. Это была его домовая касса, из которой он давал деньги просителям. Погорельцам из дальних губерний выделял по пять рублей, а землякам строил новые избы и в придачу дарил лошадь или корову.

Человек должен жить своим трудом

Николай Александрович не кичился богатством. Больше всего в жизни ценил труд. «На-

род у нас – хороший. С огнем в душе. Его дешево не купишь, пустяками не соблазнишь. У него, брат, есть эдакая девичья мечта о хорошей жизни, о правде. Ты – не усмехайся, – девичья! Я вот иной раз у себя на даче, на Сейме, беседую с ними, по вечерам, в праздники. Спросишь: «Что, ребята, трудно жить?» – «Трудновато». – «Ну, а как, по-вашему, легче-то можно?» И я тебе скажу – очень умно понимают они жизнь. ...Издревле человек чувствовал, что жизнь – не прочна, издавна хорошие люди бежали ее. Ты сам знаешь – богатство не велика сладость, а больше – обуза и плен» (М. Горький, «Н.А. Бугров»). При управлении штате в три человека на мельницах и флоте Николая Александровича трудилось множество людей. Работать у Николая Бугрова считалось за счастье. Зарплата была выше, чем в других местах,

а рабочий день короче – всего восемь часов. Бесплатное питание, хорошее жилье, подарки к праздникам – все то, что сегодня называют соцпакетом. Зарплата служащего – 20–25 рублей в месяц. Матросы, служившие на пароходах фирмы, получали по 32 рубля в месяц – больше, чем иной рабочий в Москве. «Я бы кресты да ордена за работу давал – столярам, машинистам, трудовым, черным людям. Успел в своем деле – вот тебе честь и слава!» – говорил Николай Александрович. Максим Горький шутя называл Бугрова «удельным нижегородским князем». В этом была доля правды – и высшие чины, и дворянство регулярно приходили к Николаю Александровичу с финансовыми прошениями.

Работать у Бугрова считалось за счастье. Зарплата была выше, чем в других местах, а рабочий день короче – всего восемь часов. Бесплатное питание, жилье, подарки к праздникам – все то, что сегодня называют соцпакетом.

Умер Бугров 74 лет от роду. Хоронили благотворителя всем городом. Многие в толпе искренне плакали. Знатоки-краеведы вспоминали, что в середине XX века над могилой Николая Александровича еще стоял навес. А кладбище до сих пор называют Бугровским. Елена Сенникова
Фото Алексея Манянина, а также из открытых источников